

На берегу Великого канала в сумерках было многолюдно. На обеих сторонах реки расставили лотки с фонарями, а на мосту девушки с горничными, прикрываясь веерами и платками, улыбались и смеялись, крики торговцев были даже громче, чем днем. Вдалеке виднелась Башня Фэнчжи, трехэтажное здание, впечатляющее своим величием, с красными фонариками, висящими на каждом углу крыши, которые были повешены на Новый год и до сих пор не сняты, что создавало праздничную атмосферу.

Фан Чжи, приехав в Дом Генерала, не раз возвращался в Башню Фэнчжи, ведь он был хозяином и не мог позволить себе не появляться там месяцами. Сейчас они стояли на противоположном берегу реки, глядя на далекий вид, и оба были немного взволнованы.

— Моя мама говорила, что у меня нет отца, и я до сих пор не знаю, где моя родина, — сказал Фан Чжи. — Но Тан Юэ как-то сказала, что моя мать, вероятно, из Цзяннани, что далеко отсюда, и, вероятно, мне не суждено увидеть это место.

Вечерний ветер был прохладным, и Сун Чэнцин, боясь, что он замерзнет, взял плащ у слуги и накинул его на него, затем надел капюшон. Лицо Фан Чжи, белоснежное, уже покраснело от ветра.

— Твой дом — в Доме Генерала, — сказал Сун Чэнцин, не глядя на него, опустив глаза, чтобы завязать шнурок на воротнике. Фан Чжи, услышав это, поднял голову и улыбнулся.

Он бросил на него взгляд, делая вид, что это неважно:

— Цзяннань? Слышал от нескольких коллег, которые ездили на юг, что там красиво: маленькие мосты, дома с красными стенами и ивами, горы и вода, черные и белые крыши. Когда у нас будет время, в теплые весенние дни, мы найдем возможность туда съездить?

Небо потемнело, но повсюду висели фонари, освещая рынок, и даже те, кто давно не выходил гулять, чувствовали себя свободно, невольно желая влиться в эту толпу.

Фан Чжи тихо сказал:

— Хорошо.

Он опустил голову.

— С тобой я пойду куда угодно.

Сун Чэнцин не упустил ни одного выражения на его лице, и эта тень печали, конечно, не ускользнула от его внимания. Он взял его за подбородок и поднял его лицо, и, конечно, уголки его глаз были красными.

Он приблизился, чтобы поцеловать его веки, взял его за руку, и, хотя его слова были утешительными, они все равно звучали немного дерзко:

— Плачешь? Может, оставь слезы на потом? Ты плачешь и в постели, и вне её, кто-то может подумать, что я всё время тебя обижаю, и тогда старшая сестра будет ругать меня. Она тебя очень любит, вчера прислала новые туфли, сказала, что твои ноги зимой всегда холодные, и велела мне чаще менять тебе обувь на удобную... Не плачь, хорошо?

За их спинами раздавались крики торговцев, люди приходили и уходили, и никто не заметил ничего необычного в этой паре на берегу реки. Сун Чэнцин и Фан Чжи, переодетые, влились в

этот шумный рынок, как и бесчисленные влюбленные в этом мире, все они находились под защитой небес, нашли своих возлюбленных.

Фан Чжи, со слезами на глазах, ударил его, и он начал притворяться, что ему больно, говоря, что он его избил, и что вечером он попросит госпожу хорошенько его осмотреть. Его слова были полны шуток, и слуги, стоящие позади, сдерживали смех.

Фан Чжи ругал его:

— Позор, больше не пойду с тобой гулять.

Но в конце концов его развеселили несколько фонариков.

Они гуляли весь день, запускали фонарики, наслаждались видом, перешли мост и зашли в известную маленькую винную лавку на другой стороне, чтобы купить кувшин вина, и только тогда, полностью насладившись, отправились обратно.

Сидя в карете, окруженные своими дневными приобретениями, от барабанов до глиняных фигурок, от пирожных с лотосом до вина, они поняли, что купили слишком много, просто поддавшись сиюминутным желаниям, и только теперь, сложив всё вместе, осознали, сколько это всего.

Вернувшись в дом, они оставили вещи на попечение дворецкого, который временно сложил их в кабинете, а Сун Чэнцин, не теряя времени, потащил Фан Чжи в комнату. На полпути он, не выдержав его медлительности, на глазах у слуг подхватил его на руки, словно он сотни лет не пробовал человеческого тепла, и его нетерпение заставило Фан Чжи покраснеть.

Когда они купались, Сун Чэнцин хотел позвать Фан Чжи с собой, но тот отказался, и он, находясь в соседней комнате, слыша звук воды, нервно ходил туда-сюда. Он уже быстро помылся, но, вернувшись, увидел, что Фан Чжи всё еще не закончил, и начал нервничать.

Сун Хэ и Ся Лянь ждали в соседней комнате, опустив головы, сдерживая смех.

— Ну как, готов?

— спросил Сун Чэнцин, стоя у двери. Фан Чжи не пускал его, и он действительно вел себя как джентльмен, терпеливо ожидая снаружи.

— Нет!

— ответили изнутри.

Тогда он снова начал нервно ходить туда-сюда, хотя только что помылся и был одет только в нижнее белье, но казалось, что его тело пылает.

Наконец, когда Фан Чжи закончил, Сун Чэнцин ворвался в комнату, как разбойник, громко хлопнув дверью, что заставило Фан Чжи, только что переодевшегося, выглянуть из-за ширмы и спросить:

— Что ты делаешь?!

Сун Чэнцин подошел, подхватил его на плечо и шлепнул по мягкой попе:

— Что ты думаешь?

Фан Чжи, опустив голову, смотрел на пятки Сун Чэнцина, его лицо постепенно краснело, будто от прилива крови или чего-то еще. Только он лег на кровать, как Сун Чэнцин уже навалился на него, и Фан Чжи, краснея, попытался закрыть ему рот руками, но тот схватил его за запястья и прижал к изголовью.

— Почему ты сегодня такой застенчивый?

— Сун Чэнцин другой рукой повернул его лицо, заставляя смотреть на себя.

Фан Чжи, вероятно, сам не понимал, но хотел что-то сказать, и его разогретый мозг выдал:

— ...Потому что ты слишком плохой.

Сун Чэнцин засмеялся, медленно целуя его, слегка облизывая его влажные губы, но не проникая внутрь, заставляя Фан Чжи поднимать голову, чтобы поцеловать его, но он отстранялся, дразня его.

Фан Чжи разозлился:

— Что ты делаешь?!

— Чем я плохой?

Фан Чжи промолчал, его тонкое лицо стало розовым, и он надул губы, глядя на него. Когда Сун Чэнцин, держа его за щеки, поцеловал его веки, он вдруг выдавил:

— Ты меня возбуждаешь, но не хочешь меня.

Сун Чэнцин тихо засмеялся:

— Чушь, когда я тебя не хотел?

— Сегодня в карете... и сейчас... ах!

Не успел он договорить, как холодные пальцы проникли под его одежду и схватили его уже твердый сосок.

Сун Чэнцин, целуя его, тяжело дышал:

— Сейчас дам... не торопись.

Его губы стали ярко-красными, слегка опухшими, особенно нижняя губа, которую он не раз кусал своим сильным языком. Язык уже не подчинялся ему, он просто высовывался, позволяя Сун Чэнцину сосать его, а слюна стекала по его белоснежной шее.

Сун Чэнцин медленно спускался вниз, оставляя следы поцелуев на его шее, и в какой-то момент пояс его одежды развязался, обнажив грудь Фан Чжи, которая поднималась и опускалась в такт его дыханию. Сун Чэнцин, с горящими глазами, смотрел на это, затем опустил голову и сильно укусил его сосок, который его так манил.

— Ах!... Не так сильно... аккуратно...

Фан Чжи закричал, пытаясь успокоить его, гладя его голову, и мягко умолял.

Но Сун Чэнцин не только не ослабил хватку, но и начал кусать и тереть его уже розовые, почти лопающиеся соски, сосать их, словно пытаюсь высосать из них молоко.

Фан Чжи плакал, обнимая Сун Чэнцина за плечи, но не хотел его отпускать. Волны удовольствия, исходившие от его груди, одновременно приносили ему и боль, и невероятное наслаждение. Его живот непроизвольно поднимался, трусь о бедра Сун Чэнцина, а его уже возбужденный член находил некоторое утешение в его штанах.

Мягкая плоть между ног Сун Чэнцина уже набухла, трусь о его влагалище, и, казалось, этого было недостаточно, он одной рукой быстро снял с них оставшуюся одежду, и, продолжая сосать его грудь, раздвинул ноги Фан Чжи.

Своим твердым членом он начал тереть его клитор, затем губы влагалища, и, наконец, остановился у входа, слегка надавливая и теребя, заставляя Фан Чжи плакать и тяжело дышать. Внутренние стенки его влагалища сжимались, пытаюсь втянуть его член, а липкая жидкость непрерывно вытекала, смачивая его ствол.

[Я уже дошёл до того, что мне приходится увеличивать масштаб документа или страницы до 130%, чтобы что-то разглядеть. Кажется, я скоро ослепну, и только поцелуй Фан Чжи сможет меня спасти.]

<http://bllate.org/book/16757/1540577>